

Новые данные об обско-угорских заимствованиях в
русских старожильческих говорах по нижнему течению
Иртыша

Труды по истории и краеведению Урала и Западной Сибири, а также русские диалектные словари и словники, относящиеся к этой территории, дают богатый и интересный материал по лексике обско-угорского происхождения в русском языке. Известные работы Б.Кальмана (Кальман, РЭО) и В.Штейница (St OLR) полностью основаны на этих источниках. Их же частично использовал М.Фасмер при составлении "Этимологического словаря русского языка".

Изучение и сбор диалектной лексики в полевых условиях там, где русское население находилось в длительном контакте с обскими уграми, позволяет не только проверить факт существования уже известных обско-угорских заимствований в русских говорах, но самое главное — обнаружить новые заимствования. Так, в книге А.К.Матвеева "Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала" (ФУЗ) содержится большое количество ранее неизвестных русских диалектных слов обско-угорского происхождения. Оценивая эту работу, В.Штейниц подчеркивал, что она "наглядно показывает, сколько важного, неизвестного лексического материала можно собрать еще сегодня на месте" (St OLR, 487).

Русские старожильческие говоры по нижнему течению Иртыша (от Тобольска до Ханты-Мансийска) сохраняли в изобилии лексику, которая восходит к обско-угорским источникам. Это прежде всего заимствования из хантыйского языка, воспринятые русскими от местного хантыйского населения в результате длительного совместного существования, которое обусловило тесные хозяйственные, культурные, семейные и др. отношения между русскими и хантами на Иртыше.

Статья посвящена этимологическому анализу ряда заимствованных слов, зафиксированных в 1975-1976 гг. Севернорусской топонимической экспедицией в русских говорах нижнего Прииртышья. Почти все они хорошо интерпретируются на основе хантий-

ского языка, хотя имеются и сложные случаи, когда определить однозначно источник заимствования трудно (см. к и р т м а). В статье анализируются слова, либо отсутствующие в работах Б.Калмыана, А.К.Матвеева и В.Штейница, либо представляющие собой новые фонетические варианты уже известных заимствований, восходящих к иным диалектным источникам.

В а н т у п н. Сушеная на солище рыба: вычищенную и распластанную рыбу (щуку, карася, чебака) связывают по две штуки и вешают на вешала, где она сушится (Х-М. Батово, Сибирский). – Вантупы это караси сушеные, свяжут их хвост с хвостом, вот и вантупы (Батово).

<хант., ср.конд. *čāntar* "сушеная рыба (чебак, язь и т.д.)" (Рааз, 292), кр. *čāntar* "... язь/на солище сушеная плотва" (Karj I, 222).

К е ч е н ь. Хантыйский охотничий нож. (Х-М. Горноправдинск, Цингалы; Ув. Луговая Суббота, Тугалово). – Кечень нож у остякоф (Луговая Суббота). Были кечени сильно острее, и рукоятка на полметра (Цингалы).

С этим же значением зафиксированы варианты **к е ж е н ь** (Ув. Тугалово) и **к е т н и** (Ув. Демьянское).

Термин известен лишь отдельным старожилам, которые утверждают, что он является хантыйским по происхождению. Ср.также сообщение русского информанта из с.Тугалово о том, что ханты называют нож **к е д'ж'о** и **к а т'ш'о**. – Которы зовут **к е д'ш'о**, а которы **к а т'ш'о**.

Эти сведения находят подтверждение в словарях хантыйского языка, ср.крт. *kēže* "нож, меч" (Patk, 59), конд. *kētšz* "нож" (Рааз, 79), в-дем. кош, фил. цинг. *kē, řēž*, согом, кр. *kē, řēž*, казым. *kēžj*, обд. *kēžj* "нож" (Karj I, 446).

Очевидно, по аналогии с русскими существительными мужского рода **камен ь, ремен ь, кочен ь, сочен ь** и др. (ОС, 565-566) заимствование приобрело форму **к е ч е н ь** (**к е ж е н ь**).

К и р т м а (Х-М. Горноправдинск, Луговофилинская, Реполово, Тхли, Чембакино; Ув.), **к о р т м а** (Ув. Верхний Роман), **к р т м а** (Ув.Горнослинкино, Демьянское, Кирсарай, Красный Яр, Ивановка, Осинник, Родина, Туртас; Тобол. Большая Шестакова, Нижние Армазаны), **к р н т м а** (Х-М. Батово, Сибирь),

Сибирский; Ув. Большой Яр, Демьянское, Ивановка, Ишк, Кра-
онный Яр, Малый Яр, Трошина, Тугалово, Поровск; Тобол. Боль-
мая Шестакова, Нижние Аремзяны), к р ы т ь м а́ (Х-М, Реполо-
во), к у р т ь м а́ (Тобол. Панушкова). Лесной амбарчик на од-
ном или нескольких столбах, служащий для хранения убитой дичи,
шишек, ягод, разного рода припасов; иногда это просто шалам в
лесу, укрытие от дождя. — Кыртма — остилки звали, амбарчик для
продуктоф, на столбике метра два (Малый Яр). Кырты были,
как избушка кыртма, берёстом покрыта, вешали там птицу, ягоды
оставляли (Демьянское). В урмане кыртму делем, сажени на две
струпики, онбарчик для шишек, ягод ли, от зверя прячут (Дуговая
Суббота). Кыртма вот на ножках, с лета продукты затаскивают
(Верхний Роман). Шишки за лето не вывезеш — дорога плоха — до
мороза в кртме лежат (Красный Яр). Кыртма — ларь, мешка на
два-три, срублен из леса, закрыт в два слоя плахами на один
скат, четыре метра от земли высотой; охотник хранит продукты
в кыртме (Батово). Мы ф палатке не спим, кыртму зделаем да и
фое: сошки ставим, крышу зделаем, пот крышей штоб доштть не мо-
сил и спим (Реполово).

Ср. также: к а р т м а́. Колода для хранения ягод, шишек
(Ув. Солянка). — Шишки носят, ягоды носят и в картму склады-
вают, на пень колоду поставят и круглым деревом кроют, вот и
картма.

До сих пор в литературе упоминался только термин к е р-
м а (ударение?) "вид чулана в лесу". Этимологическим анализом
этого слова специально занимались Б.Кальман и В.Штейниц (Каль-
ман РЭО, 257; St OLR, 500). Оба исследователя сопоставляли
его с хантыйскими данными, приведенными в словаре Карьялайне-
на: в-дем. kártmā "амбар без крыши в лесу для хранения продук-
тов на дорогу и мяса (покрытый досками)", н-дем. kártmā, kárt-
mā "деревянная постройка в лесу (вход через крышу)" (Karj I,
432). Известно, что хантыйское слово является тюркским заим-
ствованием, ср. телеут. kártmā "сруб (над могилкой или для по-
мещения ягнят)" (Радлов II, II05), запсиб-тат. кыртма (значение
слова В.Штейниц не приводит) (см. St OLR, 500; St, Wb VI, 680).

Так как хантыйское слово татарского происхождения было
известно только из говоров по берегам р.Демьянки, то Б.Каль-
ман полагает, что русское к е р м а могло быть заимствовано

непосредственно из татарского языка (Кальман РЗО, 257).

В.Штейниц категорически возражает против отнесения русского к е р м а к татарским заимствованиям: "Русское слово существует непосредственно по Демьянке, относящейся к хантыйской территории, это охотничий термин как у русских, так и у остяков, который не мог быть заимствован (русскими. - Т.Ч.) у татар, так как он фактически соответствует хант.в-дем. k̄artmä, а не татарскому k̄artmä. Русское к е р м а является, следовательно, надежным заимствованием из хантйского (St OLR, 500).

Термин к е р м а не был зафиксирован во время полевых работ в нижнем Прииртышье, но широко распространенный там апеллятив к ы р т м а (к о р т м а, к р т м а, к р ы т м а, к р ы т ь м а, к у р т ь м а, к а р т м а) обозначает тот же самый лесной амбар, что и к е р м а. Однако если форма к е р м а может определенно считаться хантыйским заимствованием, то этого нельзя о полной уверенностью сказать о термине к ы р т м а, так как его можно сопоставить и с хант. в-дем. k̄artmä, и с западносибирско-татарскими данными (кроме тех, которые приводит В.Штейниц, ср. еще тобол-тат. к и р ь т м я "клетка" (Гигапов, 233). Тем не менее в пользу хантйского заимствования говорит, во-первых, то, что значения русского и хантйского слов полностью совпадают. Во-вторых, русское к ы р т м а и т.д. имеет наиболее широкое распространение на территории, примыкающей к заселенным в прошлом хантами низовьям р.Демьянки (современный Уватский район), а в Тобольском районе (ниже Тобольска), где многочисленно татарское население, этот термин почти неизвестен (всего по две фиксации к р ы т м а и к р т м а и одна - к у р т ь м а); не отмечен этот термин и в диалектных словарях русского языка; все это наталкивает на мысль об уаколокальном характере заимствования, которое, по данным СТЭ, севернее с. Тьми (Х-М) не встречается. В-третьих, конечно, более вероятно, что русские позаимствовали соответствующую реалью и ее название у хантов, издавна занимавшихся охотой и лесным промыслом¹. Поэтому, на наш взгляд, русск.диал. к ы р т м а

1. Ср. также сообщения местных жителей Уватского района:

"Киртма - остяки звали", хотя, конечно, не всегда можно доверять подобным утверждениям.

скорее восходит к хантыйским (н-дем.), нежели к татарским данным.

И все же не следует полностью отрицать возможность проникновения интересующего нас слова в русские говоры нижнего Прииртышья непосредственно из тюркских источников, тем более что западносибирские татары жили и по сей день живут в ряде населенных пунктов к югу от Увата.

Существование большого количества вариантов заимствованного термина объясняется русским усвоением: безударный гласный первого слога варьируется в формах к ы р т м а - к а р т м а - к о р т м а - к у р т ь м а и даже полностью выпадает в форме к р т м а (в этом случае сонорный -р-, в сущности, выступает в роли слогового плавного). Варианты к р ы т м а, к р ы т ь м а возникли на почве лексической ассимиляции: у местного населения очень часто название этого лесного амбарчика связывается с глаголами к р ы т ь, з а к р ы т ь, ср.: "раз амбарчик закрытый, значит к р ы т м а" (Х-М. Батово)¹.

Л ы л ь к а. Гагара (Ув. Демьянское), маленькая гагара (Ув. Юровск). - Гагару здесь лылькой называют, много их, не едят только их (Демьянское). Лылька - гагарка маленькая (Юровск).

<обско-уг. Соответствующие формы имеются во многих хантыйских диалектах, ср. хант. ирт. lula "вид гагары" (Columbus auritus Pal.), сев.-хант. lüle (Patk, 68), конд. lülz "маленькая гагара", иган. lülj "тинярка" (Paas, 108), в-дем. lülz "небольшая водяная птица с красной головой и острым клювом, гагара", н-дем. lülz "вид утки (черная, с красной головой, летает плохо, несъедобная)", фыл. lülz "гагара", цинг. lulz "гагара", кр. lülz "... гагарка", вах. lülj "водяная птица с острым клювом, ноги которой находятся очень далеко сзади", васиг. lülj "водяная птица (острый нос, ноги далеко сзади, как у гагары)", в-ж. варт, ликр. lülj, м-иган, тр-иган. lülj "келярка, водяная птица", низлм. lülz "маленькая гагара", казым, обд. lülj (Karg I, 482; op. St Wb VII, 830-831). Мансийский язык также дает

1. Ср. также русск. диал. к р ы т и к "молотильный сарай, крыша над ладонью (током молотильни)". "Ветром уронило на гумнах почти все крытики". (Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903, с. 76).

параллели: luli "Columbus auratus" (Ahlqv, 26), luli "хохла-
тая гагара" (Szil, 243; ср. Раав, 108), л у л и "гагарка"
(Б-В, 48). Штейниц считает это мансийское слово заимствован-
ным из хантыйского языка (st wь VII, 831), откуда же, по его
мнению, заимствовано и ненец. lu'li "маленькая гагара".

Название гагары л ю л ь к а, зафиксированное в русских
говорах нижнего Прииртышья, не относится к числу широко из-
вестных слов даже на исследуемой территории; не отмеченное в
иных источниках, оно, очевидно, является узколокальным. Поэто-
му наиболее вероятно, что оно восходит к иртышско-кондинским
данным хантыйского языка.

Н и р, н и р, н и р и к и. Сапоги у хантов, наподобие
бродней, шитые из кожи, из оленьей или лосиной шкуры (Ув. Ту-
галово). - Нир, иными же называют, по болоту ходит - нирама
зовут; по-ихнему нир, иными, а по-нашему бродень. - Нырики,
нир называют, из кожи - летки, зимой в шерсте делают. - Сапо-
ги таки у хантоф шили, из лосины или из оленьи, по-нашему-то
нырики, по-ихнему нурук. Н и р о ч к и. Кожаные женские тапоч-
ки (Ув. Рачево). - В нирочках хожу управляясь, в их мягко и
ногу не колёт¹. Н е н ё р и к и. Хантыйская обувь. (Х-М. Гор-
ноправданск). - У нас сохни, значит, а у них ненерики: о-о,
босиком пришел, ненерики забыл одеть.

<хант., ср.ирт. *ńır* "сапог, преимущественно летний са-
пог (бродни, чарки)", сев-хант. *ńır* (Patk, 92), конд. *ńır*
"полусапог", иган. *ńêr* "то же" (Раав, 151); в-дем. *ńır* "брод-
ни", кон. *ńır* "бродни", пёр²*ńır* "чарки", цинг. *ńır* "женские
башмаки со шнурками", согом. *ńır* "чарки/ башмаки со шнурками",
ческ. *ńır* "башмаки со шнурками", кр. *ńır* "башмак"; ср. также
в-к. *ńır*³, лхкр. *ńır*⁴, м-иган. *ńır*⁵ "остяцкий полусапог", тр-
шля. *ńır*⁶ "ногавица/ остяцкий башмак, сделанный из кука шку-
ры с бедра оленя, с голенищем из грубого холста, сукна и т.д.)",
лхям. *ńır*⁷, *ńır*⁸ "башмаки со шнурками (обычно из шкуры)", кэзм.
*ńır*⁹ "башмаки из кожи (голенница из сукна)" (Kagj II, 629).
Приведенная информантом из с.Тугалово хантыйская форма н у-
р у л не была обнаружена в доступных нам словарях хантыйского
языка.

1. Термин записан М.А.Романовой в 50-е гг. В настоящее время
д.Рачево уже не существует. В других населенных пунктах
СТЭ не удалось зафиксировать это слово.

Формы **н и р** и **н и р** полностью совпадают с данными языка-источника; варианты **н и р** и **к и** и **н и р** о ч к и возникли в результате суффиксации на русской почве; форма **н е** **н е р** и **к и**, возможно, восходит к иртышскому (комелевскому) *neŋŋir* "чарки".

Все эти слова отсутствуют в диалектных словарях русского языка, однако давно известен другой термин — **н я р**ы "войлочные сапоги с кожаными подошвами" (Перм.Ирб. — Ошп, 131), "ваденные сапоги с подшитыми подошвами" (Перм. — Даль II, 564); **н я р**ы (Вишера, Гар.) и **н я р**к и (Печора, Колва, Вишера) "охотничья обувь, представляющая собой короткие (до голени) полусапожки на прокопченных оленьих кнсов" (ФУЗ, 66). Русское диалектное **н я р**ы возводятся к мансийскому языку (см.: Кальман РЗО, 259; Kalima SR, 33; ФУЗ, 66), причем Б.Кальман отмечает, что русское слово заимствовано из какого-то северного говора мансийского языка. Ср. манс.литер. **н я р**а (Б-В, 69), *ŋaŋe-vai*, *ŋieŋa*, *ŋieŋa* "обувь из невидубленной кожи" (Ahlqv, 31, 32); сев. *ŋaŋ* "сапог", н-ловзв. *ŋaŋ*, сев. *ŋaŋä*, кондин. *ŋeŋä* "кожаная обувь" (Szir, 313), тавд. *ŋeŋä*, н-конд. *ŋaŋä*, ср-конд. *ŋeŋä*, в-конд. *ŋeŋä*, пел. *ŋeŋä*, вагильск. *ŋeŋä*, *ŋaŋä*, *ŋaŋä*, н-ловзв. *ŋeŋä*, в-ловзв. *ŋeŋä*, сосзв. *ŋaŋä* "обувь" (Kann Vok, 99); *ŋaŋa* "няры, чирки, обувь из оленьих кнсов" (Черя, 84). М.Фасмер, видимо, ошибался, считая русское **н я р**ы восходящим к хант. *ŋaŋa*, а не к манс. *ŋaŋa* (Фасмер III, 94), об этом свидетельствует и география слова, и то, что в указанных М.Фасмером хантыйских источниках приводимой им формы *ŋaŋa* нет (на это обстоятельство уже обращал внимание А.К.Матвеев — ФУЗ, 66). И все же А.К.Матвеев допускает возможность контаминации данных различных финно-угорских языков при освоении слова **н я р**ы и приводит для сравнения еще коми литер. **н я р** "замша, мягкая кожа" (ФУЗ, 66).

В связи с термином **н и р** (**н и р**) ср. также манс. *ŋir* "кожа" и хант. в-дем. *ŋur* "мягкая кожа" (КЭС, 202).

Надежные хантыйские соответствия русским узколокальным словам **н и р**, **н и р**, **н и р** о ч к и и т.д. позволяют утверждать, что вряд ли на их появление в русских говорах могли повлиять мансийские диалекты, в основном к тому же удаленные от русских говоров исследуемой территории.

Очевидно, русско-хантыйские контакты привели к появлению в русских говорах нижнего Прииртышья заимствований *н и р*, *н и р*, *н и р о ч к и*, *н и р и к ш*, *н е н е р и к ш*, а в результате русско-мансийских связей в русские говоры Северного Урала проникло слово *н я р ы* (*н я р к и*).

П а у л я й (Х-М. Семейка), *п а у л я й* (Х-М. Батово, Семейка). Часть кишечника или печень у налима. — Пауляй — это просто кишка, её чистили, выбрасывали. Кто пауляй съел? (Семейка). У налима пауляй, широка, под вит кисти (Батово). Печень-то у налима, ксень-то, ищѣ и пауляй зовут (Батово).

<хант., ср.н-дем. рѣиә1 "кишка налима, шуки, набитая печенью налима или шуки (как колбаса) и сваренная". Ср. также чesn. раиәг "печень" (Karj II, 661). Неясным остается происхождение конца слова.

П о е в а т ы. Лыжные крепления (Ув. Тугалово). — Поеваты — ремешки на лыжах, ноги завязывают.

<хант., ср.в-дем. рәйуәт "пяточный ремень (на лыжах)", баск. рәйуәт "то же" (Karj II, 658).

С о м у т (Х-М. Батово), *с о м у с* (Х-М. Реполово, Сибирский, Цингалы). Сплетенный из прутьев воронкообразный проход для рыбы в жаловом запоре, перегородившем речку. — Сомут — это кондинский метод: в стене отверстие, в деревянной решетчатой стене, этот сомут устанавливает в жаловом запоре, этот запор рыбу сохраняет для отлова в зимнее время, его с весны поставят — фѣй лето он стоит (Батово). В жаловом запоре ставят сомуса, как дѣтш в фитиле, из тоненьких прутикоф или жала; здесь перекрыл, сомус поставил, в спокойных речках, в глухих сорах, озѣрах (Реполово). Ставица два запора на реке на несколько недель, на одном из них устанавливаеца ловушка с ус-ким горлом — сомус, сквось нево рыба проходит (Сибирский).

<хант., ср.в-дем. вѣшәт "раструб верши, морцы, "горло" (рыболовного запора — Т.Ч.) сомрѣй дәр (из реек, сплетенных корнем)", цинг. вѣшәт "горло верши (маленькое, из дерева, в форме верши)", кр. вѣшә, вак. вѣшәт "горло верши", низям. вѣшәт, казым. вѣшәт, обд. вѣшәт "то же", баск. вѣшә, вѣшәт "горло верши (маленькое, в форме верши)" (Karj II, 859-860).

В форме *с о м у с* конечное -с возникло, очевидно, в результате достаточной ассимиляции (влияние начального с-).

С о х н и, ед. с о х о н ь. Охотничьи и рыбацкие сапоги с кожаной головкой и брезентовыми голенищами (Х-М. Батово, Горноправдинск, Реполово, Сибирский, Тули, Чембакно; Ув. Большой Ярок, Осинник, Тугалово). — Бродни шьются все кожаные, а сохны — голофки кожаные, а сверху брезент (Сибирский). Простой носок, шерстяной носок, собачий носок, сверху портянку — и всё в этот сохонь (Батово). Сохны у хантоф; у сохней брезентовые голяшки, а голофка кожаная (Тугалово).

<хант., ср.ирт.(конд.) вохъа "башмаки с голенищем из грубого холста, которые обыкновенно зимой носят женщины; ишимъ", сев-хант. вохпi (Patk, 177), конд. вохпъ "кожаный башмак с голенищем из холста, "ногавица, ишимъ" (Раав, 221), чеш. в.охпъ "башмаки с суконными голенищами (не употребительное", кр. вохпъ "женские башмаки с кожаной подошвой и холщовым голенищем...", низям. вохпъ "вид обуви (подошва из коровьей шкуры...)", казым. вохпъ "зимние башмаки, причем голенища из шкуры с ног оленя (шерстью наружу)..." (Karj II, 845).

Казымское вохпъ наиболее соответствует русскому диалектному с о х н и, но все же логичнее предположить, что термин был заимствован не из казымского диалекта, распространенного значительно севернее, а из диалекта иртышских ханты, живших в прошлом на исследуемой территории и активно контактировавших с русским населением. Как и все названия обуви в русском языке, заимствованное слово осмысливается как существительное множественного числа и получает окончание -и.

Т ё б е р ь. Мелкий мусор, плывущий в реке, засоряющий сети и другие рыболовные снасти (Х-М.Реполово). — Несёт, сети забивает, чуи зовут или теберь, корешки разные, сучья. В с.Батово (Х-М) в том же значении употребляется термин д а б р а. — Дяброй трава мелкая на сетях называющаяся, толстые кочки заслепляют прямо, не вот проталины.

<хант. Оба слова восходят к хантыйскому источнику, ср. конд. тэрэг "хлам, грязь, отбросы, сор", итал. тэррег "то же" (Раав, 252), в-дем. салым. тэвэг, и-дем. тэвэг, кр. тэрэг "мусор", богд. (болчар.) тэрэг "то же", тр-вган. тэрэг "мусор, грязь...", низям. тэрэг, казым. тэвэг, обд. тэвэг "мусор, грязь, отходы (сена)" (Karj II, 1008).

Форма т е б е р ь осмысливается как существительное муж-

ского рода, форма д я б р а — как существительное женского рода. Хантыйское начальное т в данном случае передается через т' и через д', — это, возможно, объясняется особенностью русских говоров исследуемой территории, возникшей в них в результате многоязычного влияния: отсутствие звонких согласных в обско-угорских языках привело к неразличению звонких и глухих и к их непозиционной мене в речи русского населения¹. Впрочем, в данном случае в переходе т' > д' можно видеть и простую ассимиляцию по звонкости.

Вокализм первого слога в формах д я б р а и т ё-б е р ь может быть связан с усвоением их из разных хантыйских диалектов (точно установить диалектный источник здесь трудно из-за малого количества фиксаций русских слов, но напрашивается сопоставление прежде всего с иртышскими говорами, ср. тарэг (təVər) и т̄арэг (t̄əVər). Варьирование 'а — е также может отражать характерную черту севернорусских говоров и старожильческих, севернорусских по происхождению говоров Зауралья и Сибири — переход а > е в положении между мягкими согласными под ударением (грязь > грезь, опять > опеть)².

Т у р ы м. Незримый хозяин тайги, сверхъестественное существо. Его почитают охотники и все, находящиеся в лесу. Относящиеся к нему без должного уважения он наказывает. Иначе его называют Кузьма-Демьян и вотчинник. Ханты верят в турыма, как в божество (Ув. Тугалово, Шалимова). — Турым — это вотчинник;

1. На эту особенность русских говоров Ханты-Мансийского района Тюменской области обращает внимание М.А. Романова, ср. приведенные ею примеры: нёвода — нёвота (Шингалы, Чембакино), нёкуда — нёкута (Ренолово) и т.д. — М.А. Романова. Русские говоры Ханты-Мансийского района Тюменской области (консонантизм). — В сб.: Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972, с. 29–30.
2. См.: Русская диалектология под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972, с. 97; М.А. Романова, В.Н. Светлова, М.А. Лепкин. Русские говоры Зауралья. Тюмень, 1971, с. 18; М.А. Романова. Фонетические особенности некоторых говоров Уватского района Тюменской области. — Некоторые вопросы русского языкознания, вып. 7. Тюмень, 1969, с. 81.

В ряде говоров при этом возникает позиционное чередование а — е: грезний — грезь, меть — меть, на прылке — спрыделено (см. указ. работы).

на покос уйдём – кусочек турьему кладём, Кузьме-Демьяну; вотчинник – хозяин тайги, сажусь чай пить – всё приглашаю с собой ево чай пить (Тугалово). Это как чёрт – турьим и вотчинник, остиаки турьему веруют, ево угощать надо, турьим подарочка просит – на берёзе конфеты, ленты вывешивают (Шалимова).

<хант., ср.ирт. *tūrūm*, *tūrēm*, *turm* "бог, небо, свет, погода, мир" (Patk, 175-176), конд. *tūrēm* (Paas, 265), в-дем. *tūrēm*, кош, фил, цинг, зав, согом. *tūrēm*, кр. *tūrēm* "то же", низям. *tūrēm* (Karj II, 1015-1017).

Отмеченное в тобольском словаре Патканова слово *т о р о м* "бог" сам Патканов сопоставлял с хант. *т у р н м*, *т ў р у м*, *т б р н м* или манс. *т о р н м* (Patk, 513). Но так как русское *т о р о м* было зафиксировано в Сургутской области (по тому же источнику), В.Штейниц (St OLR, 514) считает его надежным хантыйским заимствованием, точно соответствующим по звучанию хант.сург. *tōrēm*, вах, васуг. *tōrēm* "бог, небо" (Karj II, 1015-1017).

Таким образом, разные хантыйские диалекты явились источником двух заимствований в русских говорах Западной Сибири: одно из них, известное русскому населению в нижнем Прииртышье, было усвоено из иртышского диалекта (*т у р ы м*), а другое (*т о р о м*), попавшее в словарь С.Патканова из русских говоров Сургутской области, восходит к ваховско-сургутской форме хантыйского названия бога.

Ш а в н ю ш к а (Ув. Трошина), ш а в н ё ш к а (Ув. Малый Ярок) Лесная птица. – Шавнишка маленько красненька, маленько желтенька (Трошина). Шавнишка желтенька така птичка (Малый Ярок).

? < хант., ср.кр. *šawñeñk-am*, конд. (Paasonen) *šawñeñk*, в-дем. *šawñeñk*, н-дем. *šawñeñk*, кош. *šawñeñk*, низям. *šawñeñk*, казим. *šawñeñk* "желна (?), черный дятел (?), лесная птица с красноватым хвостом" (в-дем, н-дем, кам, кр.), "галка" (кош.), "певчая птица в лесу (топорщится при виде человека...)" (низям, казим). Ср. также манс.сев. *šawñeñk-nē* (St Wb III, 307; Karj II, 952).

Трудно с уверенностью сказать, что перед нами заимствование из хантыйского языка из-за не полностью совпадающей и недостаточно определенной семантики русского и хантыйского слов, но такое предположение вполне допустимо, поскольку в хантый-

Таким образом, в нижнем Прииртышье существуют два обско-угорских заимствования со значением "часть, кусок невода", которые восходят к разным диалектным (возможно, и языковым) источникам.

Этимологический анализ тринадцати заимствованных слов, зафиксированных СТЭ в русских говорах по нижнему течению Иртыша, показал, что четыре из них (в а н т у п ы, к е ч е н ь, п а у л я й, т у р ы м) определенно заимствованы из говоров иртышских ханты; семь терминов (л ю л ь к а, н и р (н и р, н и р я к к, н и р о ч к и, н е н е р ж к и), п о е в а т ы, с о м у с, с о х н и, т е б е р ь (д я б р а), ю г а н), скорее всего, тоже иртышско-хантыйские по происхождению, что подтверждается их ограниченным распространением, несмотря на наличие соответствий в других хантыйских диалектах, а для слов л ю л ь к а, н и р (н и р) и в мансийском языке.

Термин ш а в н ю ш к а по фонетическим соображениям может считаться предположительно заимствованным иртышско-хантыйским. Наконец, термин к и р т м а (к о р т м а, к а р т м а, к р т м а, к р ы т м а, к р ы т ь м а, к у р т ь м а) имеет сложную историю и может быть как хантыйским, так и тюркским (западносибирско-татарским) по происхождению. При этом все же более вероятно, что термин к и р т м а заимствован у иртышских ханты.